

Э.М. АРИФ

## КУЛЬТУРНЫЕ РЕПЕРТУАРЫ ПИТАНИЯ В МОЛОДЕЖНОМ ВЕГ-СООБЩЕСТВЕ (кейс Санкт-Петербурга)

---

АРИФ Эльвира Маратовна – научный сотрудник Центра молодежных исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (СПб.), Санкт-Петербург, Россия (elvira.arif@yandex.ru).

---

**Аннотация.** В статье на примере анализа молодежного вег-сообщества Санкт-Петербурга рассматриваются границы выстраивания городского флюидного сообщества. Выделяются четыре культурных репертуара вег-питания: забота о животных, ЗОЖ, религиозное развитие и саморазвитие. На основе анализа вег-репертуаров маркируются границы сообщества через определение «своих», «других» и «чужих». «Другими» для участников вег-сообщества становятся всеядные, включенные в практики этичного потребления. «Чужими» можно назвать всеядных, ориентированных на гедонистическое потребление. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в среде молодежи формируются сообщества, основанием которых становится критическое потребление.

**Ключевые слова:** молодежь • вег-сообщество • критическое потребление • веганы • вегетарианцы • сыроеды • дискурсы питания • неоплемена

DOI: 10.31857/S013216250007096-8

**Постановка задачи.** Городская молодежь имеет возможность включения в разные сообщества в зависимости от своих интересов. Одной из отличительных черт мегаполиса становится расцвет и смешение разных культур питания [Стил, 2014]. Современный город способствует формированию нового опыта и практик питания, на интерес к которым чутко реагирует рынок. В частности, растет число кафе, магазинов и ресторанов, обслуживающих разные направления специального питания: диетическое, безглютеновое, спортивное, халяльное, кошерное и т.п. Распространенность среди молодежи получил тип питания, который связан с отказом от употребления мяса и продуктов животного происхождения. Согласно «Этичному путеводителю», который создается совместно с центром защиты животных «Вита», в Санкт-Петербурге насчитывается более 30 точек вег-питания. Среди них есть мини-кафе («Veggie Box»), сети кафе («Укроп», «Троицкий мост»), точки в креативных кластерах (например, «Вилки не против» и «Горизонталь»), а также ресторан («Ra Family»); доставка вег-еды и сладостей. Цены доступны и соотносимы с другими точками питания, что делает вход в вег-сообщество<sup>1</sup> довольно простым.

Вег-сообщество образуют участники, практикующие вег-питание – это вегетарианцы, веганы и сыроеды. Вегетарианство предполагает отказ от употребления мяса и/или молочной продукции и/или яиц, лакто- и ововегетарианство. Веганство – полный отказ от продуктов животного происхождения. Сыроеды не обрабатывают термически растительную еду. Веганская еда подходит вегетарианцам и, если не подвергалась термической обработке, сыроедам.

Ученые изучают вегетарианство и его влияние на телесность в рамках социологии еды, питания [Зарубина, 2015]. Однако в этом подходе не учитываются, в частности, возрастные различия участников групп. В социологии молодежи вегетарианство и веганство попадают в фокус внимания при изучении отдельных молодежных сообществ, в которых

---

<sup>1</sup> В тексте статьи используется самоназвание группы. «Вег» – приставка, используемая участниками сообщества для обозначения принадлежности к нему.

практикуется этот тип питания, например сообщество дауншифтеров [Горская, 2017] или анархо-стрейтэйдж-антифа групп [Кузьмин, Морозов, 2016]. В этом случае исследователи рассматривают вег-практики как часть субкультурных или групповых, не как самостоятельное молодежное сообщество. Отдельно стоит сказать о работах, в которых представители вег-сообщества изучаются в контексте «зеленого» [Аутио и др., 2014] или этического потребления/консюмеризма [Троцук, Давыденкова, 2015], где исследователи сосредотачивают внимание на одной вег-группе, например, веганах. Настоящая статья обращена к изучению вег-сообщества с целью маркировать группы молодежного вег-сообщества Санкт-Петербурга на основе выделения репертуара питания и определения «своих», «других» и «чужих» на примере молодых посетителей лофта<sup>2</sup>.

Культурное разнообразие и фрагментация в среде молодежи привели исследователь к концепции неоплемен (neo-tribes), которые создаются вокруг предмета интереса на основе аффективного единства и формируют локальную солидарность. Одним из примеров неоплемен ученые называют группы потребителей, которые можно изучать как постоянно меняющееся сообщество в контексте популярной культуры [Maffesoli, 1996]. При изучении вег-сообщества делается акцент на постоянном его изменении, которое связано с возможностью легкой смены питания с всеядного к растительному и обратно. Однако в данной статье контекстом служит не популярная, а альтернативная культура, в которой потребители требуют права голоса и участия в том, что и как продается [Salzman, 2000]. Результаты исследований российских ученых подтверждают тезис об аффективном единстве, подчеркивая, что «основа современных молодежных сообществ – тесные эмоциональные связи, которые закрепляются в повседневных практиках» [Омельченко, Поляков, 2017: 116]. Таким образом, в статье вег-сообщество рассматривается как неоплемя, созданное вокруг вег-питания, на основе аффективного единства по поводу отказа от всеядного питания и формирующее вег-солидарность.

Для описания вег-сообщества используют категорию *культурный репертуар питания*. В процессе его создания социальные агенты избирательно черпают из элементов широкой культуры и циркулирующих в ней дискурсов смыслы своих решений, аргументируя действия/бездействие в сфере питания. Аргументы в пользу выбора вег-питания будут описаны через речевые маркеры [Чудова, 2010], лингвистические формы, которые используют информанты. С помощью речевых маркеров конструируются границы внутри сообщества и между сообществом и другими группами [Johnston, Szabo, Rodney, 2011]. Для выявления границ вег-сообщества в Санкт-Петербурге используется деление на «своих» – позитивная модель восприятия, «других» – нейтральная и «чужих» – негативная [Бойко, 2006: 163]. Развивая идею культурных репертуаров, важно, что молодежь использует категории существующих дискурсов, дополняя их собственными интерпретациями и категориями.

**Выбор кейса.** На момент проведения исследования на территории лофт-проекта было сосредоточено самое большое число (8) мест в одном кластере, представленных только веганской едой, а также точки питания, имеющие соответствующие позиции в меню; работал магазин эко и веганских товаров с ассортиментом продуктов российских производителей. В одном из кафе лофт-проекта работал кино клуб, в котором демонстрировались фильмы, критически оценивающие современную доминирующую потребительскую культуру. В основном здании лофт-проекта активисты проводили веганскую акцию «Их глазами». Участник мог с помощью специальных очков в 3d формате посмотреть фильм о жизни животного на промышленной ферме от рождения до скотобойни. Раз в несколько месяцев силами вег-сообщества и вег-активистов на протяжении четырех лет проводился «Веганфест». Организаторы и посетители фестиваля – преимущественно молодые мужчины и женщины. Среди участников, представляющих свою продукцию, много бизнес-проектов, реализованных молодыми. На протяжении двух-трех дней фестиваля

<sup>2</sup> Лофт – это арт-бизнес-кластер на территории бывшего здания промышленного назначения (фабрики, завода, склада), которое объединяет различные деловые и культурные проекты.

работают фудкорт, зона производителей вег-продукции, проводятся мастер-классы, организуются лекции. Таким образом, лофт-проект был выбран как наиболее отвечающий задачам анализа городской молодежи, включенной в вег-сообщество Санкт-Петербурга.

В фокусе внимания оказались посетители одного кафе на территории лофт-проекта. Его выбор был обусловлен следующими моментами. Во-первых, в этом кафе продавался фаст-фуд на растительной основе, который можно брать с собой: пицца, бургеры, вок в коробочках – популярная еда молодежи. Во-вторых, это место не позиционировалось как субкультурное или активистское; в фокусе внимания была «обычная», а не активистская и субкультурная вег-молодежь.

В меню выбранного кафе на момент проведения исследования не было блюд на основе мяса и продуктов животного происхождения. Само кафе позиционировалось как веганское, предлагались блюда, приготовленные и без термической обработки. Таким образом, его посетители – веганы, вегетарианцы и сыроеды.

**Методы сбора, описание базы данных.** Сбор данных проводился с 21 апреля по 21 мая 2017 г. в г. Санкт-Петербурге<sup>3</sup>. Использован метод кейс-стади: он позволяет «обеспечить лучшее понимание социальной реальности, уникальность каждого объекта и в то же время выделить общие черты для дальнейшего обобщения» [Козина, 1997: 177]. Исследование включало три направления: (1) изучение информационного поля: сообществ в социальных сетях, сайтов, связанных с вег-питанием, специализированной бесплатной газеты «VEGETARIAN»; (2) наблюдение: 15 событий в сфере вег-питания как на территории лофта, так и в Санкт-Петербурге; (3) интервью с посетителями (12 чел.), с работниками и владельцами кафе (5 чел.) и с экспертами (3 чел.). В статье представлены результаты анализа интервью с посетителями и дневника исследователя.

**Репертуары питания в вег-сообществе кафе лофт-проекта.** В России гегемонным является дискурс всеядного питания, который представляется «естественным» и само собой разумеющимся. Вег-дискурс выступает в качестве альтернативного и представляет собой «совокупность явных и неявных поведенческих, этических, медицинских, эстетических, духовных и т.д. норм и ценностей, в соответствии с которыми формируются повседневные практики, имеющие возможность институционализироваться и оказывать в той или иной степени принудительное воздействие на своих приверженцев» [Зарубина, 2016: 146]. Отказ от употребления мяса и продуктов животного происхождения предполагает трансформацию других повседневных практик: поиск и покупка продуктов, одежды, косметики, бытовой химии, контрацептивов, лекарств и витаминов, алкогольных напитков и табачной продукции, рецепты и опыт приготовления блюд, места общественного питания, животных-компаньонов и их корм, а также культурное потребление и профессиональная деятельность. Реализация этих практик требует усилий по преодолению постоянного давления окружения и всеядного дискурса питания. Анализ интервью показал, что «своих» на вег-сцене объединяют идея переосмысления потребления еды и опыт сопротивления всеядному дискурсу питания. Однако смыслы и идеи отличаются друг от друга, образуя разные вег-репертуары.

**Репертуар защиты животных.** В этом репертуаре используются речевые маркеры «эксплуатация животных» и «мучение животных». Он воспроизводит элементы экодискурса, «совокупности устных и письменных текстов, объединяющим тематическим компонентом которых является природа и охрана окружающей среды» [Уткин и др., 2009: 218], делая акцент на проблемах вектора человек–животные, и производит вег-зоо дискурс, смысловым центром которого становится тема взаимоотношений человека и животных в социуме.

В репертуаре заботы о животных выбор вег-сцены основан на ценности природы, животных. Забота строится вокруг бережного отношения к экосистеме: «*Наткнулся на фильм "Земляне", решил посмотреть. Полностью мой внутренний мир это перевернуло, я*

<sup>3</sup> Статья подготовлена по материалам исследования, проводимого за счет гранта РФФИ (№ 15-18-00078) в Центре молодежных исследований НИУ ВШЭ.

после просмотра решил отказаться вообще от животных и всё такое. ...Где-то года три прошло [с тех пор]» (м., 27, веган). «Земляне» – это документальный фильм, снятый зоозащитниками и озвученный известными актерами-веганами. В нем рассказывается об эксплуатации животных, и на материалах, снятых скрытой камерой, показывается, что происходит с животными за стенами приютов, скотобоев, птицефабрик, спортивных и развлекательных учреждений и мест, исследовательских лабораторий, звероферм. Об этом же идет речь в лекциях зоозащитников, содержание которых приводится информантами в качестве аргумента для отказа от продуктов животного происхождения.

Для молодежи, выбравшей репертуар заботы о животных, характерны увлечения и хобби, связанные с онлайн и офлайн активизмом и благотворительностью. Часто это люди с хипстерской, анархистской, стрейтэджерской субкультурными карьерами, опытом гражданского участия и разного рода активностей, включая культурные. В рамках этого репертуара критически оценивается пассивная любовь к животным и социальное бездействие в отношении этого вопроса.

**Зож-репертуар** основан на ценности здорового тела. В современном обществе оно превращается в индивидуальный рефлексивный проект, который поддерживается производимыми в медиа стандартами определенных форм телесности. Забота о теле становится обязанностью и нормой. Особенно это актуально для России, так как «российское общество находится в процессе интенсивного становления нового биополитического порядка, и идеология “правильного тела” (здорового, репродуктивного, выполняющего нормы ГТО) все более входит в нашу повседневную жизнь, все сильнее меняет привычные рутинизированные практики (питания, физических нагрузок, ухода за собой)» [Крупец, Нартова, 2014: 528]. Таким образом, вег-дискурс воспроизводит зож-дискурс. «Узловыми точками» в этом случае можно назвать речевые маркеры «здоровая/ый», «здоровье», «пищевые привычки», «очищение», «чистка», «лечение»: «И мы решили, что не хотим больше питаться так, как питались до этого, потому что у неё не понятно, что было, у меня были очень нехорошие пищевые привычки, потому что ела то, что привыкла есть в семье. А это довольно скудное меню, т.е. там мясо плюс гарнир... Особо овощей, фруктов не было. Хотелось улучшить своё здоровье. И как-то просто само начало получаться, ...не было ни разу, чтобы за всё время, пока я сейчас вот так вот живу в новой квартире, чтобы я покупала мяса или готовила мясо» (ж., 22, веган).

Хобби этой молодежи в рамках зож-репертуара имеют отношение к спорту и производству знания о здоровье, болезнях, телесности (наращивание компетенций в этих вопросах может конвертироваться в позицию официального или неофициального тренера, эксперта). Мейнстримная молодежь в рамках этого репертуара ориентирована на доминирующие маркеры успеха, которые могут быть связаны с разными спортивными, оздоровительными и диетическими сообществами и группами.

«Чужими» в контексте зож-репертура становятся люди, которые практикуют потребление вредных благ (алкоголя, сигарет, ПАВ и запрещенных ПАВ) и других продуктов, маркируемых как вредные, например, соль, сахар и т.д. Кроме того, «чужими» могут стать равнодушные к состоянию своего тела.

**Репертуар религиозного развития.** В этом случае отказ от употребления мяса и продуктов животного происхождения рассматривается как часть религиозного развития личности. Известно, что «религия оказывает значительное влияние на пищевые пристрастия приверженцев различных конфессий, а также диктует запреты на целый ряд продуктов» [Новикова и др., 2013: 103]. В буддизме не приветствуется употребление мяса, рыбы, чеснока и лука. Он, в свою очередь, оказал влияние на индуизм, в котором вегетарианство рассматривается как одно из средств достижения благостного образа жизни, а говядина запрещена, т.к. корова в Индии считается священным животным и охраняется конституцией. Одним из направлений распространения индуизма в России стал ведизм «Общества сознания Кришны». В рамках этого религиозного течения запрещается потребление яиц, мяса, рыбы, чеснока и лука, одурманивающих и возбуждающих напитков (кофе и

чая). Одновременно с этим стоит отметить интерес к традиционной индийской медицине аюрведе, части индуистской философской системы. Таким образом, вег-религиозный дискурс – часть буддийско-индуистского дискурса, смысловой центр которого – речевые формы «знание», «сакральное знание», «веда», «веды», «карма»: *«Мне так кажется. Просто аюрведа – это как бы первый шаг к вегетарианству, мне кажется, такому правильному вегетарианству. И это как бы типа сакральное знание»* (ж., 32, сыроед).

В рамках репертуара религиозного развития информанты включены в религиозные (буддийские, индуистские) практики: медитация, випассана, ретрит, собственно религиозные ритуалы и обряды. Могут иметь опыт занятий восточными оздоровительными системами: йога, цигун, ушу. В рамках данного репертуара молодежь обращается к тибетской, китайской, индийской медицине. «Чужими» при этом рассматриваются люди, которые исповедуют христианство, ислам, иудаизм, где нет прямого или косвенного запрета на употребление продуктов животного происхождения.

Для **репертуара саморазвития** характерно применение речевых маркеров «энергия», «энергии», «ступени», «лектор», «лекции», «книга», «тренер», «учитель», «система», «подход». Практиками саморазвития, как правило, занимаются разные группы, стержневым интересом которых выступают мистические, эзотерические, оккультные, философские, метафизические учения, концепции и практики. К этому же направлению можно отнести новые религиозные движения и психологические группы, во главе с харизматичным лидером. Это духовно-практическое направление отличает «холизм, трансперсональное единство всего, ожидание глобальных перемен человеческого бытия, представление о высшем начале как безличном универсуме, божественной природе человека и его неограниченных способностях, трансформирующих мир, культивирование специфической духовности» [Бирюкова, 2017: 34]. В этом репертуаре производится дискурс вег-саморазвития.

В России распространение ведического знания через фигуры «учителей», проповедников-кришнаитов способствовало созданию и производству темы «ведической женщины» и ведического подхода к отношениям между мужчиной и женщиной. Это направление можно рассмотреть в рамках российского эзотерического знания, так как оно является довольно вольной интерпретацией индуистского религиозного учения. Приверженцы этого направления ведут вегетарианский образ жизни; отказ от употребления мяса и продуктов животного происхождения аргументируется желанием быть частью группы, которая знает о «правильной», «настоящей» феминности: *«Я помню, еще была на лекции этого оратора очень известного. Мне так повезло, что я на него попала, вот этого кришнаитского оратора... вся эта идея ведической женщины, она мне тогда нужна была, чтобы понять себя, поведение, потому, что мне до этого никто не объяснял... До этого я даже не задумывалась про отношения... Я стала спокойнее воспринимать себя и окружающий мир, я действительно гармонию начала искать, мне это помогло после расставания и вообще помогло, я не жалею об этом периоде... Мне говорили, что если ты хочешь в это влиться, не пей, не ешь мясо. Мне хотелось в это влиться. И тогда я отказалась от мяса, но не поэтому поводу, но это было одним из таких стимулов»* (ж., 22, веган).

Вторая логика аргументации строится на желании следовать избранному эзотерическому учению: *«В "Трансферинге реальности", есть там шестая ступень, шестая книга... Вот... и там Зеланд пишет уже про питание. Т.е. там как бы... четыре элемента: как думаем, как двигаемся, как питаемся и осознанный выбор, т.е. как бы... можно сосредоточиться только на мыслях, но это не совсем эффективный метод, т.е. если мы там двигаемся, питаемся и думаем правильно, у нас и тело лучше работает и здесь соответственно энергии больше, всё это лучше и происходит»* (м., 26, веган).

В рамках этого репертуара информанты включены в эзотерические, философские и психологические группы, что и формирует их хобби – саморазвитие. Эта молодежь не имеет субкультурного опыта, но характеризуется широким кругом реализуемых интересов: от езды на мотоцикле до занятий писательской деятельностью. «Чужими» при этом становятся люди, которые не занимаются саморазвитием, ничего не хотят менять ни в себе, ни в своей жизни.

**Выводы.** Таким образом, внешняя граница вег-сообщества формируется отказом от определенных продуктов и опытом сопротивления всеядному дискурсу питания. Принадлежность к вег-сообществу видима, так как питание неотъемлемая составляющая повседневности. Практики, касающийся приобретения или потребления еды, становятся формой, воспроизводящей различия между участником вег-сообщества и всеядными. Наблюдения показывают, что у каждого информанта есть опыт переживания ситуации давления со стороны близкого, дальнего окружения, малознакомых или совершенно незнакомых людей. Можно сказать, что оно носит фоновый характер. В свете выстраивания внешних границ особую значимость приобретают результаты анализа внутренних. Риторические формы, с помощью которых происходит сопротивление давлению всеядности, определяются культурным репертуаром вег-питания.

В случае этого кейса выделены экологический, жож, религиозный дискурсы и саморазвития. В целом, исследователи выделяют три этоса потребления – гедонистический, экологический, этический, которые рассматриваются как институционализированный язык и лингвистическая система знаков [Davies, Harre, 1990]. Этический и экологический этос потребления могут быть рассмотрены как одна этика, имеющая разную направленность: этично «для себя» и этично «для других» [Lindeman, Sirelius, 2001]. Эти данные соотносятся с результатами описания вег-сообщества в Санкт-Петербурге. Проведенный анализ позволяет разделить потребление «этично для себя» на две составляющие, различия которых стали очевидны в нарративах информантов: этично для тела и этично для души/психики. Выстраивание внутренних границ между «своими» в вег-сообществе происходит на основании этики заботы о других, своем теле, душе/психике, религиозной этике.

Обращение к категории культурный репертуар питания для описания границ вег-сообщества как неоплемена оказалось продуктивным, оно позволило выявить внутренние границы сообщества («свои»): вег-зоозащита, вег-жож, вег-религиозного развития и вег-саморазвития, продемонстрировать включенность разных направлений вег-сообщества в культуры, базирующиеся на этическом потреблении всеядных («другие»), противопоставить гедонистическому этосу потребления всеядных («чужие»). В рамках разделения этосов потребления ученые противопоставляют фигуру потребителя-покупателя и потребителя-гражданина, ориентированного на социально-политическую ответственность [Гурова, Толкачева, 2014], когда практики потребления наполняются политическим и гражданским смыслом, конструируя дискурс критического потребления. Его можно рассмотреть как результат осмысления отдельных звеньев или всей цепочки продовольственного снабжения, которая включает в себя несколько этапов: сырье, производство, логистику, продажу, употребление, утилизацию. Здесь фокусе внимания социологов оказывается и этичное потребление вег-сообщества. В нем проблематизируется производство мяса и продуктов животного происхождения.

Рассматривая вег-сообщество как пример неоплемен, можно говорить, что оно представляет собой не просто группу потребителей, но группу критичных потребителей. Это дает основания предположить, что потребление становится основанием формирования молодежных неоплемен, базирующихся на критическом осмыслении цепочки продовольственного снабжения. Их изучение оценивается как заслуживающее внимания направление дальнейших исследований потребления современной молодежи.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аутио М., Хейсканен Е., Хейнонен В. Нарративы «зеленых» потребителей: антигерой, экогерой и анархист // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 19–34.
- Бирюкова Ю.А. Особенности структуры феномена «Движение Нью Эйдж» // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 15(1). С. 33–36.
- Бойко М.А. Роль дискурсивных факторов «свой», «чужой», «другой» в процессе формирования коллективной идентичности СМИ // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2006. Вып. 17. С. 163–178.

- Горская Д.А. Духовные основания дауншифтинга // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 337–342.
- Гурова О., Толкачева А. Критический подход к потреблению // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 4–8.
- Зарубина Н.Н. Представления о «нормативном теле» как детерминанты изменений в практиках питания россиян // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 75–91.
- Зарубина Н.Н. Вегетарианство в России: индивидуальный выбор против традиций // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9. № 2. С. 137–154.
- Козина И. Case study: некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 177–189.
- Крупец Я.Н., Нартова Н.А. «Худой значит нормальный»: управление телом в среде городской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 523–538.
- Кузьмин А.Г., Морозов П.Д. Субкультура антифа как социально-политический феномен: опыт изучения в г. Сыктывкаре // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 1(25). С. 97–103.
- Новикова М.В., Султаева Н.Л., Галицкий В.В. К вопросу об особенностях питания приверженцев различных религиозных традиций // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 5. С. 96–116.
- Омельченко Е.Л., Поляков С.И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 111–132.
- Стил К. Голодный город: как еда определяет нашу жизнь. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014.
- Троцук И.В., Давыденкова Е.С. Феномен этического консьюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 65–81.
- Уткин А.И., Федотова В.Г., Федотов Л.Н. Экологополитический и экологосоциологический дискурсы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 63–69.
- Чудова И. Речевые маркеры бедности/обеспеченности в дискурсе села // Современный дискурс-анализ. 2010. № 2(2). С. 4–24.
- Davies B., Harre R. Positioning: The Discursive Production of Selves // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1990. Vol. 20. No. 1. P. 43–63.
- Johnston J., Szabo M., Rodney A. Good Food, Good People: Understanding the Cultural Repertoire of Ethical Eating // Journal of Consumer Culture. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 293–318.
- Maffesoli M. The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. London: Sage, 1996.
- Lindeman M., Sirelius M. Food Choice Ideologies. The Modern Manifestations of Normative and Humanist Views of the World // Appetite. 2001. No. 37. P. 175–184.
- Salzman M. Rise of the Prosumer // Marketing. 2000. Vol. 54. No. 6. P. 141–153.

Статья поступила: 14.01.19. Финальная версия: 09.04.19. Подписана к печати: 09.09.19.

## CULTURAL REPERTOIRES OF CONSUMPTION IN YOUTH VEG-COMMUNITY (a St. Petersburg Case)

Arif E.M.

National Research University «High School of Economics», Russia

Elvira M. ARIF, Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University «High School of Economics» in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (elvira.arif@yandex.ru).

**Acknowledgements.** This article is based on the materials of the project «Fields of positive interethnic interactions and youth cultural scenes in the Russian cities» supported by the Russian Science Foundation, project No. 15-18-00078.

**Abstract.** Neo-tribe is a fluid community in modern societies exemplified by consumer groups. The article analyses the veg-community in Saint-Petersburg and discusses the boundaries of this urban fluid community. The case study was held in Saint-Petersburg. The «cultural food repertoire» notion was used to describe the veg-community. Based on the analysis of veg-repertoires, the boundaries of the community were demarcated through the definition of «close ones», «others» and «aliens». The article presents four types of veg-nutrition cultural repertoire: animal care, healthy lifestyle, religious development and self-development. Omnivores included in the practice of ethical consumption are defined as «others» by members of the veg-community. And omnivorous, hedonistic-oriented consumption is seen as «alien». The analysis suggests that communities formed among young people have a critical consumption basis.

**Keywords:** youth, critical consumption, veg-community, vegans, vegetarians, raw, nutrition discourses, neo-tribes.

## REFERENCES

- Autio M., Heiskanen E., Heinonen V. (2014) The Narratives of «Green» Consumers: Anti-hero, Eco-hero and Anarchist. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences]. No. 2:19–34. (In Russ.)
- Biryukova Yu. A. (2017) Features of the New Age Movement Phenomenon. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Humanitarian Studies]. No. 15(1): 33–36. (In Russ.)
- Boyko M. A. (2006) The Role of the Discursive Factors «Own», «Alien», «Other» in the Process of Forming a Collective Media Identity. *Izvestiya UrGPU. Lingvistika* [Bulletin of UrSPU. Linguistics]. No. 17: 163–178. (In Russ.)
- Chudova I. (2010) Speech Markers of Poverty/Security in the Discourse of the Village. *Sovremenniy diskurs-analiz* [Modern Discourse Analysis]. No. 2(2): 4–24. (In Russ.)
- Davies B., Harre R. (1990) Positioning: The Discursive Production of Selves. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 20. No. 1: 43–63.
- Gorskaya D. (2017) Spiritual Foundations of Downshifting. In: *XX International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan «Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research»*, March 16–18, 2017, Ekaterinburg. Yekaterinburg: UrFU: 337–342. (In Russ.)
- Gurova O., Tolkacheva A. (2014) Critical Approach to Consumption. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies]. No. 1: 4–8. (In Russ.)
- Johnston J., Szabo M., Rodney A. (2011) Good Food, Good People: Understanding the Cultural Repertoire of Ethical Eating. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 11. No. 3: 293–318.
- Kozina I. (1997) Case Study: Some Methodological Problems. *Rubezh* [The Divide]. No. 10–11. P. 177–189. (In Russ.)
- Krupets Ya.N., Nartova N.A. (2014) «Slim Means Normal»: Body Management among Urban Youth. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 4: 523–538. (In Russ.)
- Kuzmin A.G., Morozov P.D. (2016) Subculture Antifa as a Socio-political Phenomenon: the Experience of Studying in Syktyvkar. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Bulletin of Komi Science Center of UB RAS]. No. 1(25): 97–103. (In Russ.)
- Lindeman M., Sirelius M. (2001) Food Choice Ideologies. The Modern Manifestations of Normative and Humanist Views of the World. *Appetite*. No. 37: 175–184.
- Maffesoli M. (1996) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage.
- Novikova M.V., Sulstaeva N.L., Galitsky V.V. (2013) On the Issue of Nutritional Features of Adherents of Various Religious Traditions. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and Abroad]. No. 5: 96–116. (In Russ.)
- Omelchenko E.L., Polyakov S.I. (2017) The Concept of the Cultural Scene as a Theoretical Perspective and an Analysis Tool for Urban Youth Communities. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 16. No. 2: 111–132. (In Russ.)
- Salzman M. (2000) Rise of the Prosumer. *Marketing*. Vol. 54. No. 6: 141–153.
- Steel C. (2014) *Hungry City: How Food Shapes Our Lives*. Moscow: Institut media, arkhitektury i dizajna «Strelka». (In Russ.)
- Trotsuk I.V., Davydenkova E.S. (2015) The Phenomenon of Ethical Consumerism: the Specifics of the Sociological Interpretation and Features of Modern Existence. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. No. 1: 65–81. (In Russ.)
- Utkin, A.I., Fedotova, V.G., Fedotov, L.N. (2009) Ecological-Political and Ecological Sociological Discourses. *Znanie. Umenie. Ponimanie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 4: 63–69. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2015) Ideas about the «Normative Body» as Determinants of Changes in the Nutrition Practices of Russians. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology]. Vol. 8. No. 1: 75–91. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2016) Vegetarianism in Russia: an Individual Choice against Traditions. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology]. Vol. 9. No. 2: 137–154. (In Russ.)

Received: Received: 14.01.19. Final version: 09.04.19. Accepted: 09.09.19.